

Исчерпала ли кабинетная философия свои ресурсы?

Статья Ивана Саенко

Иллюстрация Анны Давыдовой

Вероятно, над какой бы концептуальной загадкой ни бился человек, увлеченный кабинетной философией, рано или поздно он вынужден будет поставить вопрос об эвристичности своего занятия. Вопрос не праздный и родственный вечному вопросу «Зачем вообще нужна философия?». На него мы и попробуем ответить в этой статье.

Сама постановка вопроса означает, что кабинетная философия (далее — КФ) вовсе не является дисциплиной с непреходящей актуальностью, как, например, теология. Последняя не перестанет существовать, пока люди верят в бога. Современная КФ куда больше похожа на географию — рассматриваемые нынешними географами вопросы куда менее грандиозны, чем ранее стоявшая и на сегодняшней день решенная задача составить карту Земли без белых пятен. Правда, есть и отличия. Вряд ли в КФ будет достигнут полный и бесповоротный консенсус относительно тех вопросов, которыми она задается. Это не представляется нам реалистичным. Но область действия КФ все же сужается, хотя и по другой причине: причине истощения ее ресурсов по мере того, как наука продвигается в познании мира все дальше и дальше, оставляя философии все более и более скромный кусок пирога.

Оговоримся сразу же, что мы будем понимать КФ как вперёдсмотрящего на корабле науки, как это принято в аналитической философии. Континентальная философия не будет рассматриваться прежде всего потому, что

мы не видим возможности анализировать ее в рамках проблемы эвристичности. Постмодернизм, экзистенциализм, феноменология и все другие направления континентальной философии видятся нам аналогами неисчерпаемой теологии. Мы также будем обсуждать только западную философию, потому что китайская и индийская до недавнего времени были скорее жизненными практиками, чем академическими дисциплинами. Конфуцианство хотя и было кабинетным по форме, по содержанию все же осталось жизненно-практическим учением.

Итак, теперь, когда мы задали начальные условия поиска ответа на вынесенный в заглавие вопрос, мы можем, сначала кратко, а затем подробно на него ответить. Краткий ответ: нет, не исчерпала, да, ее концептуальный анализ может быть полезен науке. Теперь подробнее остановимся на следующих вопросах: 1) насколько же все-таки исчерпала? 2) какие проблемы рассматривает современная КФ? 3) что такое концептуальный анализ и насколько он эффективен? 4) какую роль играет концептуальный анализ в науке? 5) каково будущее КФ?

Чтобы понять, насколько КФ себя исчерпала, нужно оглянуться назад, увидеть, как менялась КФ на протяжении истории, и представить, насколько мало ей осталось от того, что ранее было в ее ведении. Во времена до становления науки как авторитетного, независимого от Церкви социального института КФ представляла собою схоластическую «служанку богословия». Наиболее

ярко раскритикована философия того времени у Пьера Гассенди в «Парадоксальных упражнениях против аристотеликов». Ярким примером того, до какого градуса «слова ради слова» мог прийти философ того времени, является книга Франсиско Суареса «Метафизические рассуждения».

Если в XVII–XVIII вв. к науке еще применялся термин «натурфилософия», то наука XIX–XX вв. становится независимой от КФ и берет на себя функцию объяснения мира, ранее находившуюся в ведомстве КФ. Для понимания того, как изменилась в этот период КФ, стоит обратить внимание на деятельность двух философов: автора бестселлера «Сила и материя» Людвиг Бюхнера¹ и последователя Дарвина Эрнста Геккеля. Они считали, что мир един, а человек не разделен на две субстанции — душу и тело. Хотя эти авторы и мало известны сейчас, для современников они представляли значительный интерес: в 1881 г. Бюхнер с единомышленниками основал «Немецкий союз свободомыслящих», а Геккель в 1906 г. «Союз монахов», организацию, с которой вела ожесточенные диспуты Церковь. В своих философских трудах эти авторы отвечали на многие актуальные для науки того времени вопросы, но не те, ответы на которые даются в научных исследованиях, а те, для ответа на которые нужно понимать язык, на котором говорят ученые, и анализировать насколько логичны и как соотносятся с фактами утверждения, такие как «человек есть душа и тело».

В конце XX — начале XXI веков наука снова претерпела существенные изменения. На первый план вышли биология и когнитивные науки. Все больше дисциплин, ранее считавшихся чисто гуманитарными (лингвистика, филология, культурная антропология, социология, история и т.д.), начинают использовать математические методы и ориентироваться на данные естественных наук. Не обошла эта мода и философию. Новейшие данные нейронаук в своей философской работе самым активным образом используют такие авторы как Дэниэл Деннет, Джерри Фодор, Джесси Принц и супруги Черчленд. Последние не просто используют нейронауки, а кладут их в основу своей философской методологии. Они оберегают ученых от метафизических заблуждений и выдвигают экспериментально проверяемые гипотезы. Например,

в 1991 году Деннет предсказал обнаружение т.н. «слепоты к изменениям». А знаменитые нейрочеловеки Б. Баарс и Н. Гейджа в учебнике «Мозг. Познание. Разум. Введение в когнитивные нейронауки» говорят, что именно Деннет и Патрисия Черчленд помогли им обрести более глубокое понимание работы мозга (название дается по переводу под редакцией В.В. Шульговского. В оригинале: «Cognition, Brain, and Consciousness. Introduction to cognitive neuroscience»). Идеям Черчленд отводится — в учебнике по одному из разделов биологии! — полустраничная врезка, что уже прижизненный памятник для философа. Итак, ответ на первый вопрос: в ходе исторического развития науки КФ потеряла функции описания и объяснения мира, судьи по всем теоретическим вопросам. Сейчас ее роль свелась к прояснению спорных моментов, связанных с нейро- и когнитивными науками.

Для ответа на второй вопрос достаточно заглянуть в современные философские журналы и книги, выпускаемые в научных издательствах, таких как Oxford University Press, Princeton University Press и т.д. Мы использовали данные международной научной базы данных Scopus для того, чтобы узнать, какие статьи из ведущих философских журналов цитируются чаще всего. С 2001 по 2016 год было опубликовано 3088 работ (статей, обзоров статей, коротких заметок, редакторских колонок) в 10 журналах, находящихся в первом квартиле категории «Философия» в каталоге журналов Scopus — Scientific Journal Rankings (SJR). Были выбраны первые 13 журналов, отсортированных по рейтингу каталога (аналог импакт-фактора), 3 журнала были исключены, как не являющиеся по своей тематике преимущественно философскими. В итоге остались: «Nous», «Review of Symbolic Logic», «Philosophical Review», «Journal of Philosophy», «Australasian Journal of Philosophy», «Mind», «Ethics», «Philosophy and Phenomenological Research», «Analysis» и «Philosophical Quarterly».

Пронаблюдаем состояние современной КФ на примере некоторых статей, имеющих от 305 до 112 цитирований. Список возглавляет статья о обычном языке [Кнобе 2003], чьей интересной особенностью является то, что она выполнена в жанре т.н. экспериментальной философии. Да-да, это не просто статья с рассуждениями, это полноценное экспериментальное исследование с десятками испытуемых и статистической обработкой результатов. Следом за ней идет «Этика и глобальное изменение климата» [Gardiner 2004] (216 цитирований) — наглядная иллюстрация тезиса о том, что ныне философия не

1. Именно «Силу и материю» рекомендовал читать Базаров Николаю Петровичу.

сидит в башне из слоновой кости, а работает над актуальными проблемами человечества. Статья цитируется междисциплинарными и экологическими изданиями (например «Ecological Applications»). Интересно, что при этом автор жалуется на то, что по пальцам можно перечислить моральных философов написавших об изменении климата. Это действительно так, интерес к теме у философов взрывным назвать трудно, статья прежде всего интересна (т.е. цитируется) все-таки учеными, а не философами.

Интересно, что при всей популярности выражения «биоэтика», оно ассоциируется с лечением и научными экспериментами, и лишь в последнюю очередь в голову может придти этика окружающей среды. Однако именно этика окружающей среды судя по показателям цитирований волнует больше всего ученых. Самая цитируемая книга по этике, не считая книг по метаэтике и отдельным этическим теориям, это «Respect for Nature: A Theory of Environmental Ethics» (440 цитирований), выдержавшая к 2011 году 25 изданий (впервые вышла в 1986 году, т.е. в этом году ей исполняется 30 лет). Главная мысль книги: всякая жизнь имеет значение (all life has value). Кажется, что именно такая этика (то есть этика конкретных проблем) и получит наибольшее развитие в XXI веке, как более востребованная, нежели метаэтика и этические теории, о которых можно спорить годами, пока здесь и сейчас решаются реальные проблемы, а не мысленные эксперименты.

Четвертое место занимает статья «Моральная ответственность и детерминизм: когнитивная наука об обыденных интуициях» (188 цитирований). Авторы поднимают проблему компатибилизма и инкомпатибилизма и указывают на то, что вопреки воззрениям тех философов, которые считают, что обыденные интуиции присущи только одному из этих взглядов на свободу воли, у людей имеются обыденные интуиции (то есть интуитивное понимание на уровне обыденного языка и мышления) в пользу обоих [Nichols, Knobe 2007]. Статья представляет особый интерес тем, что в ней выдвигается гипотеза (как в науке), в поддержку гипотезы рассматриваются экспериментальные данные (как в науке), при этом она, рассматривая такие вещи, как «моральная ответственность», «детерминизм», и т.д., старается оставаться в рамках строгого исследования, а не схоластического растекания мысли по древу.

Статья Ника Бострома «Мы живем в компьютерной симуляции?» (17 место, 118 цитирований) — исключение

из правила. Эта типичная метафизическая публикация, где сомнению подвергается сама реальность окружающего нас мира; отличие от прежних подобных постановок вопроса лишь в антураже статьи: на старую проблему надеты одежды новейшего времени: мир не просто нереален, он симулируется в компьютере.

Отдельную группу составляют работы, посвященные общим философским темам: интенционализм [Byrne 2001], монизм [Schaffer 2010], этика добродетели [Kamtekar 2004], и т.д. Это по-прежнему более волнующие философов темы, чем частные этические вопросы (глобальное потепление) или частные вопросы эпистемологии. Однако, учитывая то, что таких статей среди самых цитируемых меньшинство, смеем надеяться, что и далее общетеоретические работы будут уступать экспериментальной философии (плавно переходящей в науку) и научным вопросам, а статьи вроде работы Бострома перестанут всерьез обсуждаться, окончательно перейдя в разряд курьезов прошлых времен.

Вот и ответ на второй вопрос: современная КФ рассматривает те проблемы, которые актуальны для современной науки, или же те проблемы, которые обсуждались на протяжении истории КФ и философии вообще, но с помощью научного метода. Эти проблемы вполне укладываются в понимание современной КФ как вперёдсмотрящего науки, как такой академической дисциплины, которая занимается теми проблемами и задает те вопросы, которые по тем или иным причинам (из-за эмпирических, теоретических и методологических ограничений) в науке не ставятся, или ставятся редко, а если и ставятся, недостаточно интенсивно обсуждаются, из-за чего возникает методологическая лакуна, которую и заполняет КФ.

Из всего выше сказанного следует, что концептуальный анализ (КА) сегодня — это метод концептуального исследования научных проблем. Перефразируя биолога Ф. Г. Добржанского, ничто в современной КФ не имеет смысла, кроме как в свете эмпирических данных. Это и есть ответ на наш третий вопрос. КА предполагает постановку и раскрытие какой-то проблемы в результате анализа экспериментальных данных или научных данных: изучение понятийного аппарата, сопоставление теорий и гипотез, выявление «болевых точек» и «слабых мест», обнаруживаемых в ходе этого анализа, реконструкция логических построений в научных текстах, и т.д. Все это нужно, ведь наука занимается фактическими данными, но очень слаба в понимании собственных

же текстов. Достаточно ли эффективна и развита так понятая КФ по сравнению с математикой, применением компьютеров и другими теоретическими методами? В какой-то степени развита — об этом ярко свидетельствует институт обзоров и т.н. метаобзоров, развиваемый в последние десятилетия. Помимо обычных исследовательских статей существуют статьи, которые анализируют исследовательские статьи, это мощный инструмент, позволяющий ученым понимать мир не только через призму отдельных исследований, но и через призму суммирования результатов множества исследований. Однако до тех пор, пока в науке не выстроена достаточно грамотная методология, позволяющая решать абстрактные вопросы в рамках самой науки, кабинетной философии быть. Это ответ на четвертый вопрос.

Наконец, отвечая на пятый вопрос: исходя из скорости научного прогресса в целом, можно прогнозировать полное растворение КФ в науке в XXI веке. Правда, такой прогноз может быть слишком оптимистичным.

Библиография

1. Byrne 2001 — Byrne A. Intentionalism defended // *The Philosophical Review*. 2001. Vol. 110, №2. PP. 199–240.
2. Gardiner 2004 — Gardiner S. M. Ethics and global climate change // *Ethics*. 2004. Vol. 114, №3. PP. 555–600.
3. Kamtekar 2004 — Kamtekar R. Situationism and Virtue Ethics on the Content of Our Character // *Ethics*. 2004. Vol. 114. PP. 458– 477.
4. Knobe 2003 — Knobe J. Intentional action and side effects in ordinary language // *Analysis*. 2003. Vol. 63, №3. PP. 190–194.
5. Nichols, Knobe 2007 — Nichols S., Knobe J. Moral responsibility and determinism: The cognitive science of folk intuitions // *Nous*. 2007. Vol. 41, №4. PP. 663–685.
6. Schaffer 2010 — Schaffer J. Monism: The priority of the whole // *Philosophical Review*. 2010. Vol. 119, №1. PP. 31–76.

